

К.А. Воротынцева

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**К проблеме повседневности
в современной повествовательной литературе
(на материале романа Ю.В. Мамлеева «Блуждающее время»)***

Аннотация: Статья посвящена проблеме анализа категории повседневности в литературном нарративе. При помощи ключевой нарратологической категории события выявляются общие типы повседневности, моделируемые в повествовании. С позиции предложенного нарратологического подхода рассматривается концепция повседневности, реализуемая в романе Ю.В. Мамлеева «Блуждающее время».

The present paper is devoted to the study of representation of everyday life in narrative fiction. Based on a category of narrative event general types of everyday life are revealed. The model of everyday life presented in a novel by Yuri Mamleev «The Wandering Time» is analyzed.

Ключевые слова: нарратив, нарративные стратегии, повседневность, событие, событийность, современная русская проза.

Narrative, narrative strategies, event, eventfulness, everyday life, modern Russian prose.

УДК: 821.161.1.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН, сектор литературоведения. Тел. (3833) 3304772. E-mail: vorotyntseva@rambler.ru.

Репрезентация повседневности в литературном повествовании необходимым образом соотносится с некоторыми особенностями, имманентными нарративу, который – в отличие от континуального внетекстового существования – являет собой эпизодизацию «событийности бытия, раздробление цельности произошедшего на систему эпизодов» [Тюпа, 2010, с. 144]. Нарративный дискурс фактически предстает как «остраняющее повествование» [Там же, с. 170], которое в качестве своей референтной компетенции имеет «значимое уклонение от нормы... поскольку выполнение нормы “событием не является”» [Лотман, 1970, с. 283]. Эта установка на событийность, общая для нарратива – ведь если бы ничего не происходило, то «не было бы события», «не было бы неожиданности», «нечего было бы рассказывать» [Рикер, 2000, с. 64] – казалось бы, исключает возможность присутствия в повествовании повседневности, выступающей как «близкое», «родное», «свое бытие» [Марковцева, 2003, с. 68], заполненное «явлениями, процессами, событиями, делами, происходящими, случающимися, вершащимися каждый день и повторяющимися изо дня в день» [Лелеко, 2002, с. 103] и противо-

---

* Исследование выполнено в рамках НИР «Оптимизация коммуникативных процессов как предмет междисциплинарного исследования», выполняемых на основании государственного контракта № 02.740.11.0370 в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

стоящими «случайностям и неожиданностям, которые, в зависимости от масштаба и характера, могут и взорвать, сломать, уничтожить сложившийся уклад жизни, привычную нормативную повседневность» [Лелеко, 2002, с. 113]. Следует, однако, отметить, что повседневность как общегуманитарная научная категория не может быть сведена исключительно к асобытийности: сопоставление повседневности с событием позволяет нам выделить, как минимум, два наиболее общих типа конструирования повседневного опыта. С одной стороны, можно говорить о так называемой «сакрализованной» повседневности – соотнесенной с архаической ментальностью и характеризующейся бесконечным циклическим временем «вечного возвращения» и невозможностью совершения события в современном понимании. Повседневность традиционного общества, соотнесенная с областью мифологических представлений, либо отбрасывает все новое и неизвестное и объявляет его «ошибкой» [Элиаде, 1998, с. 235], чем-то «небывшим», либо наоборот – включает его в свою концептуальную сетку и наделяет священными свойствами [Мелетинский, 2008, с. 323]; таким образом, данной формой повседневности не предусматривается акт, который мог бы ее разорвать: «вся сплошь повседневность состоит здесь из действенного воспроизведения космической жизни» [Фрейденоберг, 1997, с. 52–53]. Другой наиболее общий тип повседневности, условно названный нами «профанным», конституируется линейным временем, несущим в себе идею конечности и необратимости, и наличием события в значении эксцесса и отклонения от нормы. Подобное событие, носящее характер нового и исключительного, имеет статус разрушающего, разрывающего сложившуюся повседневность, поскольку оно способно внести нечто необъяснимое и внешнее – то есть некий неинтегрированный компонент: разобщенность и неполнота свойственны именно «профанному» миру, который, в отличие от «сакрализованного», не в состоянии снять все противоречия, не всегда и не все может объяснить своими средствами и в этом смысле является лишь бледной тенью «тонкого» мира [Элиаде, 1998, с. 24].

Данные крайние формы конституирования повседневного опыта, а также их промежуточные варианты, на наш взгляд, могут быть реализованы в нарративе в виде некоей общей моделирующей категории: под повседневностью в литературном повествовании мы предлагаем понимать динамическое и смысловое отношение события и нормы. В повествовании нормированность выступает как «та последовательность действий, которая в нарративном мире предсказуема, причем, речь идет не об ожидании читателя, а протагонистов» [Шмид, 2010, с. 16]. Событие же, чье общее свойство событийности подлежит градуации [Шмид, 2008, с. 23], в свою очередь, наделяется необходимыми признаками гетерогенности, хромотопичности и интеллигибельности [Тюпа, 2002, с. 21–23]. В рамках художественного мира произведения мы неизбежно сталкиваемся с рядом точек зрения на нормированность и событийность. Функцией актуализатора события может наделяться герой повествования, без участия которого «не могут состояться основные сюжетные события» [Теория литературы, 2007, с. 250], в то время как представление о норме может соотноситься с литературным персонажем – впрочем, данная закономерность не является константной и вполне может быть подвержена инверсиям. Очевидно, что в полифонической ситуации романа мы можем говорить о нескольких повседневностях, реализуемых в повествовании и соотнесенных с теми персонажами, которые в структуре изображенного мира предстают как «видимая и оформленная индивидуальность» [Бахтин, 1986, с. 190]. Подобное динамическое и смысловое соотношение события и нормы, нередко коррелирующее с художественным временем и пространством, конструирует представление о повседневности в рамках изображенного мира.

С одной стороны, нормированность в пространстве художественного мира может преодолевать событийность, являя нашему взору не события, а лишь происшествия – в родовом смысле данный обыденный, рутинизированный, «несобы-

тийный» тип повседневности может быть соотнесен с эпосом, в частности – с древнейшими вариантами большой эпической формы. Кроме того, подобная повседневность актуализируется в древнерусской литературе, соотнесенной с религиозной мыслью: в принадлежащем ей корпусу текстов категория событийности не имеет положительного значения – например, в агиографии, ведущем нарративном жанре данной эпохи, в принципе не может быть никакой непредсказуемости [Шмид, 2010, с. 20].

В литературном повествовании возможно конструирование и другого типа повседневности, в котором событийность преодолевает нормированность, позволяя сформироваться полноценным событиям. Подобное событие, имеющее для его актуализатора экзистенциальный характер [Силантьев, 2009, с. 29], может моделироваться как событие переживания в лирике или принимать вид изменения внутреннего, ментального состояния персонажа, актуализируясь, например, стратегиями классического русского романа XIX века [Шмид, 2010, с. 21].

Следует отметить, что в анализе актуализаций представлений о повседневности необходимо учитывать не только точку зрения героя или литературного персонажа, но и точку зрения нарратора – более высокой повествовательной инстанции: нарратор также может выстраивать свое соотношение событийного и нормированного в повествовании. Кроме того, соотношение события и нормы, формирующее представление о типе повседневности в нарративе, не ограничивается лишь рамками изображенного события – то есть референтной компетенцией дискурсии [Тюпа, 2010, с. 90]. Конституирующие дискурс креативные и рецептивные компетенции [Там же, с. 93–96] – то есть автор и читатель как абстрактные функции повествования [Шмид, 2008, с. 61] – также соотносятся с представлением о норме и событии, причем, если представления креативной инстанции дискурса – автора – тем или иным образом обычно оказываются манифестированы, то представления абстрактного читателя бывают заложены в повествование далеко не всегда (эмпирические конкретизации в данном случае для нас являются нерелевантными).

Для иллюстрации предложенного подхода к анализу повседневности в литературном нарративе обратимся к тексту романа Ю.В. Мамлеева «Блуждающее время». Референтное событие мамлеевского повествования обладает рядом особенностей, уже отмечавшихся исследователями – так, она очевидным образом соотносится с картиной мира, допускающей существование гротескно-уродливых чудовищ, странных, инобытийных, неведомых созданий – маргинальных, «зачеловеческих» и неантропоморфных существ [Семькина, 2007, с. 9]. Следует отметить, что одной из конститутивных черт фикционального мира является линейное, устремленное к некому конечному событию время. Эта концепция временной последовательности, завершающейся точкой, в которой «времени не будет» [Мамлеев, 2001, с. 41],¹ в определенном смысле соотносится с христианским мировидением, причем, явленные в повествовании события расположены на том отрезке временной цепи, который далеко отстоит от сакрального первоначала, на что указывает неудача попыток главного героя найти девушку Веру, встреченную им во время путешествия в 60-е годы XX века, про которую старушка-соседка уже в актуальном для вернувшегося героя времени говорит: «Не человек, а ангел была Верочка. Такие, как она, долго не живут на этом свете, тем более, свет-то к концу идет» (32). Оценка будущего с точки зрения персонажей также достаточно определена – грядущее представляется как «вечная смерть», в которой демоны воплотятся на Земле и будут творить свои дела (37). Особенность данного изображенного мира состоит в значимом отсутствии (но не отрицании) небесной, «богоносной» вечности и референции исключительно к другой «мертвой» вечности – выступающей «снизу, из-под мира» (42): в определенном смысле

---

¹ Далее страницы этого издания указаны в круглых скобках.

роман представляет собой своего рода современную демонологию, в рамках которой конструируется «изнаночная», подпольная Москва (247).

Герой романа, Павел Далинин, вместе с другом Егором вращаются около самых таинственных метафизических кругов столицы, готовясь войти в данную среду и принять «совершенно необычайные вещи, фантастические с точки зрения обычного человека» (39). Сам факт наличия в изображенном мире «трансцендентного» не становится для них событием – из всех персонажей романа присутствие «Иного» событийно лишь для Виктора, ученого-рационалиста, считающего, впрочем, магию (о которой – наряду с русалками, ведьмами, НЛО другие персонажи говорят как о пошлом снижении метафизических понятий (198)) – явлением вполне нормальным: «То, что магия существует и воздействует – это я как ученый не отрицаю: этим занимались тысячелетиями, а тысячелетиями ерундой не занимаются» (208). Однако индивидуальные столкновения персонажей с «трансцендентным» в рамках изображенного мира приобретают характер событийных, причем, различные уровни этого «трансцендентного» получают статус нормы для одних нарративных инстанций и статус события для других.

Например, с точки зрения таких персонажей, как бомжи – выбитых из ординарной жизни (7) и населяющих один из московских подвалов – событийным становится не нарушение «тривиальных» норм, вроде убийства или «душегубства» (7), а встреча с одним из проявлений инобытийного – «бытием смерти». Воплощением такого парадоксального соприсутствия живого и мертвого выступает один из бомжей – Семен Кружалов, в котором периодически проявляется вселившийся в него «живой труп». Вид данного персонажа, как свидетельствует нарратор, пугал жителей подвала: «Ужас наводили его глаза, голос и иногда – поведение, в котором обозначалась порой страшная затаенная угроза, причем угроза совершенно неведомого рода» (7). Впрочем, встреча с ожившим «трупом» становится событийной лишь для определенных персонажей; для другого ряда актантов – вроде Тани и Буранова – статус событийного получает уже переход из земного существования в вечный Абсолют – «прыжок через пропасть, отделяющую мир от Абсолютной Реальности» (122). Так, Буранов, один из лидеров «метафизического подполья», говорит, что Вселенная – «ничто по сравнению с высшим Я, с Абсолютом, а это и есть ваше истинное Я» (53), причем для него данный переход, несмотря на восхищение Тани («Он счастливее... ибо может постоянно быть в этом, а мы... только мгновениями... и то какие усилия, какая концентрация нужны для этого!») (204), является не до конца осуществленным и даже не предрешенным, что автоматически повышает его событийность: «если мне не удастся войти в Абсолютную Неразрушимую Реальность, если она не вберет меня в Себя, я буду считать свою жизнь страшной катастрофой, даже если после смерти я попаду куда угодно: на высшее Небо, в Рай, в сферу нового человечества или высших богов... Все равно, как бы высоко все это ни было — для меня это катастрофа...» (268) Аналогичным образом события и еще менее реализуем переход для Тани, мечущейся между земным «уютом» и «глубиной Бытия» (269): в конечном счете, это еще не осуществленное для нее событие носит характер одной из возможностей, реализуемых в точке бифуркации [Тюпа, 2010, с. 159] – о значимости подобного вида событийности для мамлеевского повествования мы скажем чуть позже.

Для третьей группы персонажей – таких, как Черепов и Марина – переход в Абсолютную Реальность уже не имеет статус событийного: Марина определяет его как «нормальность», поскольку, по ее мнению, нет ничего более естественного, «чем реализация бессмертия» (55). Событием для них, однако, становится уход в область, уже не определяемую никакой традицией, в Бездну, лежащую за Абсолютом и непознаваемую и неизвестную: «В черную дыру... в непостижимое, в неопишемое» (202), «в полный беспредел... Что за горизонтом любых постижений и вер» (124). Встреча с той областью «трансцендентного», которая уже из-

вестна и описана традицией, не обладает для них необходимыми критериями релевантности или непредсказуемости [Шмид, 2008, с. 25]: значимо лишь неведомое, «за-человеческое». Следует также отметить, что столкновение с Бездной этих «метафизических безумцев», бросившихся в «Запредельное» (204), является особенно значимой в повествовании также потому, что входит в комплекс событий, напрямую связанных с героем романа.

Павел Далинин, с одной стороны, также принадлежащий «тайной Москве», считает сам себя человеком, не отличающимся особым метафизическим даром (это подтверждает Марина, уверенная, что друг Павла Егор определенно «поинтуитивней» (37)). Случившееся с ним путешествие в Москву 60-х годов, зачатие там сына, а также встреча с собственным молодым отцом и матерью, беременной им, Павлом, с точки зрения Марины, предполагающей, что «сочетание парадоксов дает наибольшее приближение к реальности» (45), оценивается как «самое банальное событие» (40). Павел же, хоть и априорно полагающий наличие «трансцендентного», но не столь искушенный в метафизических вопросах, оценивает случившийся с ним «временной сдвиг» как крайне событийный: «Павел остановился и взвизгнул: “Не верю, не верю, потому что не может быть!.. Надо скорей бежать туда, на квартиру, и все уяснить... Да здравствует солнце, да здравствует разум! Это ошибка, совпадение, галлюцинация наконец! Этого не может быть, потому что иначе я сойду с ума... Не хочу... Не хочу-у-у!”» (26–27). Результативность данного события [Шмид, 2008, с. 23] заключается в том, что у Павла возникает «импульс, желание разорвать последовательность времени, выйти из его тирании, увидеть своими глазами то, что было, и особенно то, что будет» (145) – то есть фактически, как и Марина, совершить прыжок в неизвестную бездну, не удовлетворяясь безопасной стадией Абсолютной Реальности. Путешествие в прошлое, ставшее для Павла первым соприкосновением с вечным Высшим Я (как объяснила герою Марина: «Вы столкнулись с той очевидностью, что и прошлое, и настоящее, и будущее существуют одновременно, но, конечно, это так, не для вашего обычного восприятия, а для более высшего, другого, приближенного к вечному» (45)), событийно большей частью только для него самого – это его личный опыт. Однако финальное событие «ухода» героя, канувшего в Бездну, вызвало в метафизических кругах «настоящее потрясение, переворот и боль» (238): как свидетельствует нарратор, «исчезновение Павла внесло странное, неожиданное изменение в жизнь тайной Москвы» (245).

Следует отметить, что свойства изображенных в повествовании событий позволяют сопоставить их не с властью случая [Тюпа, 2010, с. 154] и не с нарушением установленных норм [Там же, с. 151] (каким поступок Павла может восприниматься персонажами, придерживающимися взглядов, что метафизический поиск нужно остановить на уровне абсолютного Я), а с происшествием, свершающимся в точке бифуркации – выборе одного из спектра возможных путей [Там же, с. 159]. Эти траектории событийности определяются наличием нескольких аттракторов – виртуальных упорядоченностей данной открытой системы: «Их соотношение принципиально неравновесно – оно вероятно в различной степени» [Там же]. В изображенном мире романа в качестве аттрактора выступает Тимофей Игнатьевич Безлунный – таинственный старичок, «псевдосущество, лихой, но локальный смерч» (127), отправляющий Павла в прошлое и на протяжении развертывания фабульной цепи периодически вновь появляющийся, чтобы подстегнуть в герое угасающее стремление следовать в сторону Бездны. Надо отметить, что аттрактором для Павла выступает также и Вера, от поисков которой он, впрочем, быстро отказывается, обращаясь исключительно к темной стороне инобытия. Аналогичным образом, встреча в электричке с девушкой, во взгляде которой «было такое знание, что Павлу стало страшно» (186), стала событием, которое могло бы увести бы героя от поисков Бездны и дать ход совершенно другой истории, однако Павел «по инерции» выходит из электрички вслед за «человеком из буду-

шего» Никитой, его возможным проводником в запредельное: «...Павел с ужасом осознал, что больше никогда ее не увидит. Она, его соотечественница (как это много значит), могла бы легко рассказать ему все. Но она унеслась в пространство, в дремучие бесконечные, но родные леса» (186). Свойствами точки бифуркации – момента «ветвления сюжетной ситуации» [Тюпа, 2010, с. 159] – обладает преимущественное большинство событий в повествовании.

Изображенный мир в кругозоре героя и персонажей представляется, таким образом, предельно событийным: кроме основных сюжетных событий можно также говорить о множестве «микрособытий», реализующихся в повествовании. Следует отметить, что характер повседневности, соотнесенной с художественным миром, явным образом определяется преобладанием событий над нормой: практический каждый акт с позиции той или иной нарративной инстанции выступает как обладающий событийностью, наделяется статусом неожиданного, внеочередного, нетривиального [Шмид, 2008, с. 22] – в пределе, вся совокупность фабульных действий являет собой множество «уклонений от нормы», носит характер «разрывов». Следует, однако, отметить, что повседневность, соотнесенная с мамлеевским высказыванием, в определенном смысле, предстает достаточно однородной в своей «разорванности» – во многом благодаря особому соотношению нормы и события в высказываниях, содержащих нарраториальную точку зрения [Там же, с. 122]. В романе недиегетический нарратор, практически слитый с абстрактным автором [Там же, с. 69], составляющим креативную компетенцию дискурсии [Тюпа, 2010, с. 93], в перцептивной, идеологической и пространственной точке зрения [Шмид, 2008, с. 122] нередко занимает позицию персонажей и тем самым как бы соотносится с участниками московских метафизических центров, принадлежит одному с ними кругу и находится в тех же метафизических поисках. С другой стороны, все происходящее – в том числе, уход Павла в бездну – является для него куда менее событийным. Судя по «остраивающим» прямым номинациям, выражающим дистанцированность нарратора от суждений персонажей [Там же, с. 207], которые, по-видимому, кажутся ему наивными («Ходили сюда не то чтобы “пропащие”, но несколько “особые” люди во всей закрученной на необычном Москве» (132)), а также по осуществляемой им интроспекции в сознание Павла, уже находящегося там, в запредельном, нарратор выступает как некий куда более компетентный, чем остальные, член «метафизического подполья», с которым в изображенном мире сопоставим лишь Орлов, единственный из всех людей «невероятный» для Марины (11) и единственный, кто посчитал, что уход Павла и Марины совершенно нормален (271). Такая позиция нарратора фактически «скрепляет» (но не «исправляет») «разорванную» в каждой точке повседневность, показывая, что все события в итоге «сходятся» в некой запредельной – но слишком глубокой и закрытой – области, что позволяет соотнести изображенное событие с концепцией мира как «брёда», «в котором есть интересные дыры» (11). Тем самым повседневность в мамлеевском нарративе, казалось бы, разомкнутая в каждой точке, в итоге предстает в виде некой «трансцендентной имманентности», предельно однородной и завершаемой в своей «разрывности». Соотнесенный с вероятностной картиной мира [Тюпа, 2010, с. 158] мамлеевский нарратив, референтной модальностью которого выступает понимание [Там же, с. 161], «содержит в себе побуждение адресата к восполнению высказывания как смыслового целого» [Там же, с. 128]. В рамках данной поэтики, проективно инспирирующей «процесс смыслообразования в сознании адресата» [Там же, с. 265], читателю предлагается самому разобраться, посредством каких неизвестных нам дискурсов, не поддающихся очевидной расшифровке, оказываются сцеплены событийные ряды в повествовании, и восполнить скрытые смыслы, пройдя самостоятельный метафизический путь, аналогичный тому, который, судя по некоторым инициальным знакам, преодолен дискурсивным креативным сознанием.

Литература

- Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 9–191.
- Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 2002.
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.
- Мамлеев Ю.В. Блуждающее время. М., 2001.
- Марковцева О.Ю. Повседневность как предмет социально-философского анализа: Дис. ... канд. филос. наук. Ульяновск, 2003.
- Мелетинский Е.М. Предки Прометея (Культурный герой в мифе и эпосе) // Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. М., 2008. С. 319–343.
- Рикер П. Время и рассказ. Т. 2. М.; СПб., 2000.
- Семькина Р.С.-И. О «соприкосновении мирам иным»: Ф.М. Достоевский и Ю.В. Мамлеев. Барнаул, 2007.
- Силантьев И.В. Лирический мотив в стихотворном и прозаическом тексте // Силантьев И.В. Сюжетологические исследования. М., 2009. С. 27–68.
- Теория литературы: В 2 т. / Под ред. Н.Д. Тamarченко. М., 2007. Т. 1: Н.Д. Тamarченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика.
- Тюпа В.И. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. 2002. Вып. 5. С. 21–23.
- Тюпа В.И. Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике. М., 2010.
- Фрейдберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.
- Шмид В. Нарратология. М., 2008.
- Шмид В. Событийность, субъект и контекст // Событие и событийность. М., 2010. С. 13–23.
- Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб., 1998.